Колтаков Сергей 95.

В десятку!

фото Якова Титова

ПРОКЛЯТЫЙ ПЕР ГЮНТ

В России живет великий актер театра и кино — Сергей КОЛТАКОВ.

По-моему, нам всем надо гордиться, что мы его современники. И актерская его биография дает к тому все основания: он звездно дебютировал в картине Ины Туманян «Соучастники», сыграв воистину на грани нервного срыва, с болезненной убедительностью. Потом была главная роль в знаменитом «Зеркале для героя» — культовой ленте восьмидесятых. «Армавир» Абдрашитова, «Утоли моя печали» Прохорова и Александрова — точнейшие, виртуозные работы, ужас расползающегося времени, надрыв и ломка; неудивительно, что о самом Колтакове ходили бурные слухи. Вот уж кто сроду не сыграл благополучия, сумев даже в костюмном «Янки при дворе короля Артура» вытащить трагедию человека, не совпавшего со временем. Репутацию скандалиста, человека исключительно сложного в работе и общении Колтаков подтверждал своей неровной, прерывистой театральной биографией: он поиграл во МХАТе, в Театре имени Станиславского и отовсюду ушел после громких конфликтов. В последнее время он появляется на экране нечасто, в Москве — и того реже. Чтимый в среде профессионалов и наживший себе среди них легион непримиримых противников, он живет в дачном поселке весьма уединенно и о жизни своей не распространяется. При всем том сделанное им настолько значительно, что помнят и узнают его поныне, — но пиетет и некоторый страх перед ним мешают приблизиться. Когда-то я попросту забоялся ехать за интервью на колтаковскую дачу — и, чтобы встретиться наконец живьем с единственным своим кинокумиром, решился прибегнуть к посредничеству Туманян. Разговаривали мы втроем, если не считать главной части разговора, — но всему свое время.

***БЫКОВ.* Вы совсем не снимаетесь сейчас?**

КОЛТАКОВ. Почему? Только что снялся у Сергея Урсуляка в его экранизации «Дачников» Горького. Играл Суслова — помните эту роль?

***Б.* Ее, по-моему, Бабочкин играл. Вот это: «Я о-бы-ватель!». И как вам снималось у Урсуляка?**

К. Не знаю... Иногда после того, как снимали сцену, актеры мне аплодировали.

***ТУМАНЯН.* А в театре тебе сейчас не хочется работать?**

К. Работать? Сейчас нет никаких театров. Я вообще о нашем искусстве думаю следующее: нынешнее наше искусство — это бесчинство педерастов и пэтэушников. Это мое мнение.

***Т.* Но, допустим, Виктюк предложил бы тебе главную роль...**

К. Никогда! Лучше мести дворы, брать метлу, честно и порядочно заниматься уборкой территории, чем этим онанизмом за кулисами.

***Т.* А у Мейерхольда ты стал бы работать? У Любимова?**

К. Нет, нет. Это не театр. Любимов как режиссер умер, и уже давно. Кукиши в кармане не для меня, особенно когда эти кукиши санкционированы. Я бы сейчас, честно говоря, закрыл все театры. Перевел бы их на антрепризу, не давая никаких подачек. Чтобы актеры приходили и своими именами привлекали зрителя. Вообще надо кончать со всеми выживающими, ютящимися и приспособляющимися!

***Б.* Я не видел ваших мхатовских работ...**

К. И не надо. Это детали. Искусство театрального артиста — мертвое искусство. Кто увидел — тот забыл. Но это нормально. Я Платонова репетировал в ранней чеховской пьесе, Треплева играл... Выдающаяся была роль! Вообще, когда я играю, мне почему-то кажется — это все гениально!

***Т.* (*любя*). А по-моему, ты самовлюбленный скандалист.**

К. (*любя*). Это ты просто горячишься. Но я могу простить. Потому что в свое время я тебе сделал фильм.

***Т.* Может, это я тебе сделала фильм?**

К. И ты тоже, в какой-то мере. А вообще, что касается театра... Я вот этого проклятого Пер Гюнта хотел сыграть. Но так быстро состарился, что...

***Б.* Сколько вам лет?**

К. Тридцать девять. «Пер Гюнт» — великая пьеса. Величайшая! Она умненькая. Умной драматургии не так много. Гете. Ибсен. Но мне кажется, что наша общественная культура, ее лидеры — ни хрена не доросли до этого.

***Б.* Много говорили о скандалах, с которыми вы уходили из Театра Станиславского и из того же МХАТа...**

К. Да, я достаточно нервничал, можно было бы уйти тихо, спокойно... Но меня же выгнали из МХАТа. Вроде я не пришел на репетицию, куда-то опоздал... Если бы я стал судиться, я выиграл бы процесс. Потому что я никуда не опаздывал и ничего не пропускал. Это было просто сведение счетов.

***Т.* Из-за чего ты ссорился с Ефремовым?**

К. Я говорил ему о том, что идет разграбление театра, что мы не занимаемся искусством, практически весь жилой фонд актерский сдали всяким АО, СП и прочим, и при этом никакого искусства нет. Зачем мы тогда нужны как театр? Давайте закроемся! Мне кажется, я ссорился по делу. Меня заставляли играть «Перламутровую Зинаиду» Рощина. Да эта пьеса могла быть популярной лет пятьдесят назад!

Ефремов... Он давно уже ничего не может. За что отечественная культура должна быть признательна Ефремову? За то, что он родил «Современник» и убил МХАТ. Все! И чтобы закончить с этим треклятым МХАТом, я скажу так: Ефремов — абсолютный продукт этой эпохи. Выпестованный, живший как хотел...

***Б.* Вам сейчас часто предлагают сценарии?**

К. Раньше — часто. Я могу сказать, что лет пять назад был довольно популярным актером. А сейчас... Я живу на даче, мало с кем общаюсь, у меня нет телефона... И потом, сейчас время измельчания исторической эпохи. Все связанное с ней становится ничтожней и ничтожней. Мне трудно сейчас разобраться, кто мужчина, кто женщина. Визуальные атрибуты есть, а нечто исходящее изнутри... Координата настоящего искусства какова? — честность, порядочность. Это все отсутствует.

***Т.* Сережа, так не бывает, чтобы «все».**

К. Не бывает? К сожалению, наша любимая родина такова, что в ней происходит и то, чего не бывает. На этом дивном полигоне все может быть!

***Б.* А вы сейчас можете сказать, что любите Россию?**

К. Я? Нет! То есть я многое люблю в России. Но меня выводят из себя многие вещи. Этот народ, который ненавидит евреев и при этом давно думает о себе словами Жванецкого... Эта страна, в которой сочетается самовосхваление и самооплевывание на каждом шагу... Я примерно представляю себе, что тут дальше будет. Во всяком случае, ничего живого. Либо всю власть заберет Черномырдин, — это аппаратчики. Либо другие люди, при которых точно никому из нас не выжить. И мечта у меня вот какая: уехать в Чехию. Мы там снимали фильм с Сережей Урсуляком, и я понял: вот отличная страна! Там Европа. И вместе с тем я почти знаю язык. Жилье не слишком дорогое. В общем, уезжать отсюда надо. Кто останется — я тому не завидую, уже осенью все будет со-овсем не так... Может, я и сам не уеду. Но теперешняя Россия — это вырождение, по-моему. В искусстве — полное.

***Б.* Так всегда бывает. Великое искусство возможно только в кровавые эпохи...**

К. Какая глупость! А Возрождение?

***Б.* Возрождение — это реакция на кровавую эпоху. А потом все вырождается в рынок, только у нас вышло быстрей...**

К. Ну да, да, можно сказать так. Сейчас эпоха кончилась, задыхается, умирает, и вообще вырождению этому есть масса причин и объяснений, но я не могу их все на себя примерить, как цыганское покрывало! Поэтому я и отстранился, сбежал на какое-то время. То, как я сегодня живу, — это можно назвать бегством.

***Б.* Но ведь вы в результате не работаете...**

К. Ну и что? Во-первых, я работаю. Для себя, на даче, один. Я пишу картины и реставрирую иконы. Я пишу стихи — как мне кажется, неплохие. Я пишу прозу, придумываю сценарии. И репетирую какие-то театральные отрывки — опять-таки для себя.

И вообще: искусство — это только часть жизни. Пусть значимая, но, в общем, не самая большая ее часть. Я могу о себе сказать: да, моя жизнь в искусстве не сложилась. И что теперь? Это не значит, что жизнь не удалась. Я вообще счастливый человек.

***Б.* А человек создан для счастья?**

К. Нет. Нет. Счастье — это мгновения, миги... Знаете, самолеты такие есть, МИГи? Вот так и счастье. Эти миги летают и иногда бомбят. Но обо мне разговор особый. Я вообще просто, ни от чего, могу быть счастлив. Я Господу всегда говорю, утром и на ночь: спасибо за это ощущение!

***Т.* И с чего ты такой счастливый? Мне всегда подозрительно, когда меня очень уговаривают: «Я вообще счастлив». Что это за постоянное пребывание в счастье?**

К. Не постоянное. Я и не уговариваю. Просто у меня есть частая возможность приобщаться к этому ощущению. Вот дождь идет: все печалятся, а я радуюсь! Все унывают, что жарко, — а я радуюсь! Я с восторгом принимаю осень. Люблю природу, друзей — все возможности, которые дает Бог. Люблю змей. Люблю домашних собак и кошек. Обожаю свой дом. У меня замечательный дом. В нем все уютно, удобно. И он весь разный.

***Б.* А как вам досталась эта дача?**

К. Это дом в поселке Театра Советской армии, мне его продала вдова Андрея Попова несколько лет назад. Но мы с другом, Николой Стоцким, все там сделали и построили сами. Дом небольшой — метров триста. У меня маленький уютный кабинет, с любимыми книжками, картинками, фотографиями. Две очень разные гостиные, с камином. Хорошая столовая, удобная кухня, биллиардная. Любимая моя спальня с огромной кроватью, которую мы называем траходромом. И прекрасная веранда, где я люблю выпивать осенью, летом и весной. Потому что там прохладно. И баня. С бассейном, который я выстроил сам, — я его осилил! Если бы я много работал — в кино, в театре, — у меня не было бы возможности заниматься этим. И я благодарен Богу, что не работал! А то не построил бы второй этаж...

***Б.* И как проходит ваш день?**

К. С утра я бегаю — километра три-четыре. Потом турничок. Оттуда ныряю в бассейн. Пью чай с травками. Работаю — пишу или рисую. Чаще всего приезжает кто-то из друзей, я их угощаю домашними соленьями, — у меня свой огород.

***Б.* А вы женаты? Я слышал, что у вас чуть ли не пять жен...**

К. Больше. Были и гражданские ведь браки. И сейчас женюсь. Я считаю — не в последний раз.

***Б.* Она актриса?**

К. Нет. И пока не надо об этом, у нее муж, она еще не разведена. Только скандалы кончились, битье посуды...

***Б.* А дети есть?**

К. Одна дочь. Моя дивная Настя. Теперь уже взрослая — семнадцать лет. Она два года была в Америке, училась. А теперь приехала: не хочет там жить.

***Б.* Замуж не собирается?**

К. Зачем? Ей собой заняться надо. Я лично проповедую... Хотя проповедую одно, а живу по-другому. Шопенгауэра, кажется, спросили: «Что же вы— говорите одно, а делаете другое?». А он: «Звонящий на колокольне не ходит в общем крестном ходу». Вот и я так же. А Диоген, кстати, считал: молодым жениться рано, а старым уже поздно. Я согласен.

***Б.* Каких философов вы вообще уважаете?**

К. Вот, Диогена... Многих. Но я живой человек. Соприкасаюсь с какими-то мыслями, они мне дороги, потом приходит время — появляются другие... И потом, я сам иногда пишу. У меня есть такая тетрадочка — «В мире мудрых мыслей». Сам пишу свои мудрые мысли. Например: «Выходя замуж за Варфоломея, помни, что всякая ночь может оказаться варфоломеевской».

***Б.* Я слышал, когда-то, лет десять назад, Хуциев предлагал вам пробоваться у него на роль Пушкина.**

К. Предлагал. Но у него картина не пошла. Я читал этот сценарий, и с Пушкиным, по-моему, он имеет весьма мало общего. Вот Шекспира я играл, молодого.

***Б.* А что вам нравится у Пушкина?**

К. У Пушкина мне судьба нравится. Характер — очень. Жена, если она действительно была такая красавица. Я боюсь теперь что-нибудь говорить о Пушкине, потому что если Ельцин возлагает венок... Дошло до того, что Пушкин страшно исслюнявлен. Он в стольких ртах побывал! Это мне не нравится.

***Т.* Это не к Пушкину имеет отношение, а к тем ртам.**

К. Слава Богу. Потому что он гений. Гений и судьба — одна таблетка. И ее надо сожрать! Если бы ему продлить жизнь, он сейчас бы многих пострелял. Дуэлянт!

***Б.* (*внезапно*). А вы под арестом бывали, Сережа?**

К. Нет, Бог миловал. Приводы в милицию были. А что, есть слухи?

***Б.* О вас множество слухов.**

К. Вот говорят, что я пьяница. Спился вконец, абсолютно. А раньше говорили, что я голубой. Теперь только это как-то схлынуло... А что, если и голубой? Что, со мной от этого менее интересно?

***Б.* А еще был слух, что вы подались в Австралию...**

К. А я действительно там был. Мне Стоцкий предложил поехать с ним. И мы объездили полстраны — пели там русские песни и романсы.

***Б.* И там находились слушатели?**

К. Это здесь не находятся. А там мы очень хорошо пели, и принимали нас отлично.

...Дальше мне надо было бежать, а Колтаков остался с Туманян. Я уходил с невероятно противоречивым впечатлением — и тем не менее каждую секунду Колтаковым любовался, как любуются чудом: он играл все время, даже противореча себе — бывал убедителен, как в любой своей роли. Энергетика его покоряет, и невозможно вообразить, что актер такого уровня и такого внутреннего мотора сознательно сбежал из современного искусства, потому что не видит себя в нем. Я видел перед собой едва ли не лучшего и едва ли не трагичнейшего актера современности, «на которого» специально ходило в кино и театр мое поколение, — актера, избравшего для себя вот такую форму побега от реальности, в безалкогольный и патриархальный быт с пробежками и соленьями, с одинокой работой «для себя единого». И трагедия его нереализованности — даже если искусство в самом деле составляет крошечную часть жизни — томила меня. Как выяснилось, не меня одного: после моего ухода он рассказал Туманян свой сценарий.

— Представь себе историю: спившийся актер, невостребованный, никому не нужный, уже без возраста и без лица. Однажды, после очередного запоя, собирает книжки, чтобы продать их, — и вдруг выпадает старая записная книжка. Он листает ее, перебирая номера телефонов, — это вся его бывшая жизнь. Он звонит разным людям и спрашивает одно и то же: «Можно ли мне зайти?» Потом он встречается с несколькими людьми, вспоминает жизнь. Или смотрит старую кассету, как он снимался в фильме «Соучастники», совсем еще мальчиком... Иногда — его идет встречать к метро женщина и, увидев, каким он стал, — так и уходит. Но чаще бывшие приятели охотно встречаются с ним, с каждым он выпивает и все больше пьянеет. Наконец, у последнего приятеля он остается ночевать, совсем уже пьяный, — а наутро едет провожать его в аэропорт. Приятель улетает навсегда в Калифорнию, к семье. И оставляет ему на память хорошее, добротное, модное пальто: там оно ему уже не понадобится. И, проводив дружка, актер берет бутылку, такси и едет домой. По дороге шофер прихватывает пассажира-попутчика. А потом они выводят актера в лес и убивают. Взять с него нечего, кроме этого пальто. А в финале милиционер находит записную книжку и звонит по разным телефонам с одним вопросом: «Убили такого-то, — вы не знаете его?».

И все отвечают: не знаем, не знаем, не знаем...

Видишь, это тот же Фирс. Только Фирса заколотили в доме. А этого просто забили. Вот такая история...

Послесловие Туманян

И я вдруг представила: позвонит в очередной раз по телефону, спросит, как обычно:

— Мамуля, ты как?

— А ты как? Все так же счастлив? Все в мире мудрых мыслей? Меня радует, что ты уберег себя от суеты. Я тут кое-чего припасла для твоей тетрадочки:

«Значит, все хорошо и никакой надежды на лучшее».

Это Вольтер. А вот Мандельштам:

«Никакой катастрофы, потому что ходят трамваи».

А вот Жванецкий: «Болезненное состояние мудрости, по выражению одного мудреца-одессита, это мудрость вместо мозгов и здоровый образ жизни вместо самой жизни».

Однако ж хватит спасаться мудрецами. Тебе другое назначено. Ведь дар Божий без употребления скисает. Запиши в тетрадочку моего любимого Жака Превера: «Жизнь — это сейчас».

И пошли работать, а?

Записывал
Дмитрий БЫКОВ.